

А. ЗАРЕВИН

ДОЛГИ НАШИ

РАССКАЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Заревин

Долги наши

«Автор»

2023

Заревин А.

Долги наши / А. Заревин — «Автор», 2023

Перед вами сборник рассказов Алексея Заревина «Долги наши», ярко заявившего о себе приключенческим романом «Золото под ногами». Это принципиально другая проза: смешные и грустные истории, исполненные кинематографично, лаконично и ёмко - о взрослении детей, растущих без отцов, о бытовании отцов, оставивших детей, об обоюдной тоске друг по другу, о курьёзах добра и зла, двусмысленности благих намерений, о процентах святости и суммах заработка, о «жемчужном коме» армейской каши, обо всем житейском, насущном, что тревожит и радует: «с чего бы тело зябнет? Что-то не так. Не хватает чего-то...» и не даёт однозначного ответа. Екатерина Златорунская

© Заревин А., 2023

© Автор, 2023

Алексей Заревин

Долги наши

Часть I

Валька

В Одоевском районном суде слушалось дело об алиментах.

На месте ответчика сидел Ефим Лукин, крепкий черноволосый мужик лет сорока с недельной щетиной на широких щеках и суровым взглядом из-под густых бровей. Своим видом он являл оскорбленную невинность и несогласие. Ноги его были скрещены, руки переплетены и уложены на умеренное чрево, на лице читалось презрение с недоумением, ноздри с шумом втягивали и выпускали спертый воздух зала заседаний.

Истица, немолодая женщина по имени Лизавета, одной рукой нервно теребила кончик платка, другой гладила по волосам сидящего рядом мальчугана.

Мальчугана звали Валькой, было ему от роду восемь лет. Как Ефим, он был черноволос и не согласен: казалось ему, что батю обижают, и виновата в этом мать, которая хочет за здорово живешь засудить отца. Валька сердился, уворачивался от материнской ладони и глядел на Лизавету с показной досадой. Еще чувствовал Валька неясную тревогу, что вроде из-за него сыр-бор, и, хотя это факт неочевидный, избавиться от виноватости не получалось. Вот и батя на него не смотрит... Чего не смотрит-то? Это ж мать судит, а он не при чем!

Отца Валька не знал и почти не помнил. Из всех детских впечатлений осталось ощущение чего-то родного, надежного. Помнил только, как мать подсаживала на печь, а там его, крохотного, подхватывали большие теплые руки, укладывали животом на загорелую волосатую грудь и укрывали спину шершавыми ладонями. Валька изо всех сил прижимался к батю, хватал губами твердые волосы отцовской бороды, вдыхал запах махорки и пота, да так, распластавшись, и засыпал.

– Слушается дело... – скороговоркой зачастил секретарь.

В первые дни войны Ефим бросил работу в колхозе, уехал в Тулу, устроился на военный завод и получил бронь. Изредка наезжал домой, но осенью сорок первого Одоев оккупировали немцы, и визиты прекратились. Весной сорок второго Лизавета родила сына, а в сорок четвертом Ефима все-таки забрали на фронт, Вальке еще и двух лет не исполнилось.

Лизавета честно ждала мужа с войны, и не поддавалась даже на ухаживания председателя колхоза, которого три месяца оккупации прятала в погребу.

Вернулся Ефим только в сорок седьмом, чужой, неприветливый. Преподнес китайский шелковый платок и рассказал, что в городе у него давно вторая семья, а приехал только затем, чтобы объяснить и дать Лизавете полную свободу. С тем и отбыл обратно в Тулу.

Месяц Лизавета ревела, выслушивая советы подруг, как отомстить изменщику и его подколодной змее. Зазывали ее и к бабке-ворожее, дескать, суженого вернет, а любовнице сделает небо с овчинку; предлагали помощь отчаянных городских ребят, мол, так отметелят, зарежется на сторону глядеть... Лизавете, однако, несмотря на боль и смертельную обиду, хватило рассудка отмести эти предложения.

Самый дельный совет дал спасенный ею председатель: подавай, мать, на алименты. А чего? Сына растить надо: обушь, одеть, в люди вывести, и все одна. Если, говорит, решишься, сгоняю в райцентр, все разузнаю, а время придет, отвезу в суд на своей машине.

Судиться с мужем стыдно, это правда, – размышляла Лизавета, – а Валька чем виноват? Отца у парня нет и уж не будет, пусть хоть так...

В общем, убедила себя принять позор ради сына.

– Ваш ребенок, Ефим Григорьевич? – спросил судья, когда секретарь замолчал.

Ответчик скосил взгляд на Вальку. Мать шепнула в ухо «Встань...» и потянула за ворот вверх. Валька слез со стула, хмуро поглядел на батю. Жгучий, нестерпимый стыд разъедал нутро, ведь что люди скажут: отца родного засудил... Ох, горюшко!

Ефим отвел взгляд и твердо ответил:

– Нет.

Не признал! – ахнул Валька.

Не признал... Как же это... Почему?!

А потому. Мать в город нарядила – сам себя не признаешь. Рубашка в горошек дурацкая, штаны наглажены, а главное, волосья зачесаны, прилизаны, как у буржуя какого! Как же его такого признать?

Валька сел на место, убедился, что мать на него не смотрит, взъерошил волосы на макушке, вскочил и выпалил:

– Батя, а так признаешь?

По залу побежали бабьи вздохи вперемешку с мужицкими смешками. Ефим поглядел на сына, дернулся, втянул носом воздух, закрыл глаза, уронил лицо на ладони. Лизавета скривилась, закусила губу и заскулила. Судья снял толстые очки в роговой оправе, задумчиво постукал ими по столу, поморщился и тихо произнес:

– Не стыдно, товарищ Лукин?

В зале повисла кладбищенская тишина, слышно было только муху, стучавшуюся о стекло за тяжелой бархатной шторой.

Судья снова постучал очками по столу.

– Истица, какова желаемая сумма алиментов?

Лизавета перестала скулить, робко встала, оглянувшись, ища поддержки.

– ...дцать ...ать! – донеслось с последнего ряда, где сидела молодая председателева жена. – Двадцать пять!

– Двадцать пять рублей? – вопросительно ответила истица, стоя к судье вполборота.

Судья нацепил очки, переложил какие-то бумаги, нашел нужную и погрузился в чтение. Через минуту он встал и огласил:

– Постановлением районного суда гражданин Лукин Ефим Григорьевич обязан ежемесячно выплачивать истице пятнадцать рублей вплоть до достижения совершеннолетия их общим ребенком. Копию постановления направить по месту работы гражданина Лукина.

Солнце заливало пыльные улочки районного центра, кипела белым цветом черемуха.

Лукин скрутил папироску, прикурил, выпустил носом белый дым.

– Батя!

Ефим обернулся. Валька, румяный от смущения, стоял в пяти шагах, мял в руках кепчонку.

– Батя, это все мамка. Я бы никогда... – отчаянно прошептал он.

– Поди сюда, – сказал Ефим.

Валька приблизился. Вдохнул запах махорки и новый незнакомый аромат крепкого одеколona. Хотел обнять отца, но оробел, только вымолвил:

– Прости, батя...

Ефим провел ладонью по черным волосам сына и сипло сказал:

– Все. Иди, мальчик. Ступай.

Святой

Случилось это в прошлом году на исходе мая.

Я отправился к родным в Ставрополь, а по дороге решил заскочить на денек-другой к армейскому товарищу в Приморско-Ахтарск. Для меня триста километров не крюк, если за рулем.

И вот где-то в окрестностях Краснодара гляжу, шагает по обочине поп. Настоящий поп с волосьями, бородой и прочими атрибутами служителя. На спине черный дорожный мешок на лямках. Я принял вправо, притормозил, опустил стекло.

– По здорову ли, батюшка? – говорю. – Может подбросить?

– Спаси Господи, сынок, – ответил поп и полез в машину.

Он устроился на пассажирском сиденье, пристегнулся, снял шапку, утер пот. Лет ему было за шестьдесят, лицо породистое, черты крупные, нос картошкой, лоб могучий в семь пядей. Пахло от него сыростью и прелой листвой. Верхняя куртка многое повидала, но ряса под ней чиста и даже как будто выглажена, только кромка подола снизу замаралась в дорожной пыли.

– Всю жизнь хожу, – сообщил поп. – Тяжко.

– Куда, батюшка? – осведомился я, выруливая на полосу.

– Прямо, ехай сынок. Я передохну малость. Брюхо болит...

Тьфу ты, думаю, не было печали.

– Так может, остановить? Вот заправка, там туалет приличный.

– Не то, – поморщился поп. – Нутро болит. Хворь скверная брюхо выгрызает.

– Э, батюшка, – огорчился я, – вам бы в больницу.

– Нельзя, сынок, я старой веры.

Помолчали.

– Все-таки, батюшка, куда путь держите? А то как бы нужный поворот не проскочить.

– У меня всякий поворот нужный, – успокоил меня попутчик. – Ты ехай, сынок, я подремлю малость. У тебя хорошо, тепло, мягко. Я-то прошлую ночь, слышь, под березкой перемог. Отдохну.

Я помог ему откинуть спинку кресла, с заднего сиденья достал походную подушку.

– Спаси бог, сынок. Спаси бог... – пробормотал поп и тут же уснул.

Через полчаса мимо проплыл указатель «Краснодар – 30 км». Я подумал, что эдак увезу пассажира к самому Азовскому морю. Может оно и неплохо, но с другой стороны он же обратно пешком пойдет.

В общем, заехал на заправку. Припарковался в сторонке, для свежести воздуха чуть приоткрыл окна. В кафе сел у окна и следующие часа четыре пил чай, ел пирожки с мясом и тупил в телефон. Торопиться мне было некуда, но, в конце концов, сидеть без дела наскучило.

Когда заработал мотор, батюшка проснулся.

– Заправлялся? – осведомился он зевнув. – Хорошо. Где мы теперь?

– Краснодар скоро, – отвечаю. – У меня там дело на полчаса, а потом пойду на Ахтари.

– Угу... Ну я с тобой еще чуть да маленько.

– Как чувствуете себя?

Батюшка ощупал живот и ответил:

– Ничего, вроде поутихло. Хорошо, когда не болит.

Минут через пять справа показались из-за деревьев голубые в звездах купола. Батюшка оживился:

– Вот он, нужный поворот! Тут останови.

Я стал около указателя на какую-то станицу, до которой было два километра.

– Спаси Господи, сынок, – скороговоркой выпалил поп, ища фиксатор ремня, чтобы отстегнуться. – В церковь зайду.

– Это же не староверов церковь, – заметил я осторожно.

– А это мне все равно, – ответил поп. – Бог во всяком храме есть – что у католиков, что у буддистов, что у этих... как их... Короче, и у них тоже есть.

Он совладал с замком и полез из машины.

– Выздоровливайте, батюшка!

– Как бог даст, – пробормотал он в ответ.

Поп вышел, но дверь не закрыл. Мгновенье размышлял и наконец выдал:

– А ты, видать, святой.

Тут я рассмеялся.

– О то ж конечно, – говорю, – кроме меня на Руси святых не осталось.

– Смейся, смейся, – поп улыбнулся впервые с момента нашего знакомства. – Брюхо ты мне подлечил. Вишь, посидел с тобой рядом, хворь и отпустила. Верный знак.

– Спасибо на добром слове, батюшка, – ответил я сквозь смех.

– Но не весь! – вдруг строго добавил поп.

– Чего, не весь?

– Святой не весь, а процентов на двадцать. Этого, однако, хватит, чтоб в Царствие Небесное попасть. Я-то раньше там окажусь, за тебя похлопочу. У меня-то, слышь, святости процентов шестьдесят... – он прищурился. – А то и все семьдесят будет!

Поп хлопнул дверью, бодро зашагал по разбитому асфальту. Я отпустил ручной тормоз и подумал: похлопочи, отец.

Похлопочи.

Здесь водится таймень

День был пасмурный, тихий.

Акимов аккуратно прикрыл за собой калитку, прошел по цементной дорожке к дому. У крыльца сбросил дорожную сумку на жухлую траву, присел на скамейку. Расстегнул ворот шинели, вынул коробку «Беломора».

Не торопясь, тянул папироску, между затяжками вдыхал острый прелый дух поздней осени, сквозь неряшливую паутину яблоневых веток смотрел на серое матовое небо. Душа его была покойна и строга.

Свое возвращение он придумал давно: другие, скажем, собирают большие компании, напиваются, пляшут и дерутся, а он не так. Дмитрий Акимов не шалопутный, он объявится тихо, без суеты и бестолковой спешки, будто и не уходил на два года. Он даже дембельские не растратил, все принес в дом – до копейки. Виделась ему в собственном поведении взрослая мужская зрелость, ощущалось прочное понимание бытия. Он и жизнь так проживет: добротню, крепко, делово.

Докурив, привычно сунул гильзу в жестяную банку. Под оконной балясиной нащупал ключ, вставил в скважину, распахнул дверь. В прихожей снял шинель, ботинки, и так все это поставил–повесил, чтоб мать с порога поняла: сын вернулся.

Вот такой сюрприз.

Пуще прочего Акимов стосковался по самым обыденным радостям гражданки. Смешно вроде, но больше всего, прямо-таки до дрожи в коленях, ему хотелось поставить чайник на плиту. Понимаете, не чаю выпить, а зажечь конфорку и поставить на нее чайник.

Чайник стоял на плите – белый с высоким прямым носом, на боку эмаль чуть отбита и проступает черная грунтовка. Акимов сунул в рот папироску, снял крышку, поставил чайник под кран. Вода с шумом полилась в покрытое накипью железное нутро. Наполненный чайник он определил на большую конфорку. Чиркнул спичкой по шершавой боковинке коробка. Сера вспыхнула, выбросила клубок пахучего дыма, Акимов ткнулся папиросой в огонек. Аромат

горящей спички прошел через крепкий табак, пропитал его своим вкусом. Акимов с удовольствием затянулся, провернул вентиль. Вспыхнул газ и синими лепестками обхватил желтоватое дно.

Пепельницы не было, он полез в сервант за блюдцем. Поставил перед собой фарфоровую тарелочку, выпустил носом дым, стряхнул пепел. И тут же в серванте увидел две стопки почтовых конвертов: наверное, мать разбирала бумаги да оставила. В одной были его письма из армии, их он узнал сразу по почтовым маркам.

Взял вторую стопку. Писем было всего семь. С недоумением перебрал пожелтевшие конверты, узнавая на лицевой стороне как будто свой почерк. Чепуха... Не может этого быть, он эти конверты впервые в жизни видит. Разглядел адрес отправителя: город Белый Яр, улица... индекс... Адрес получателя... Акимову Диме.

Наугад вытащил одинарный листок в клетку, покрытый с обеих сторон нервным убористым почерком:

«Здравствуй, сынок! Пишу тебе с нового своего места жительства. Нашу бригаду перебросили на строительство города Белый Яр. Пока что это не город, а поселок, который стоит на реке Обь. Это очень большая река, в сто раз шире Ахтубы. Я уже побывал на рыбалке. Здесь водится таймень – большая и очень вкусная рыба – ...»

– Таймень... – произнес вслух Акимов. – Здесь водится таймень.

Отец писал ему письма. Отец писал, а мать, значит, прятала. Не выбрасывала, хранила, но и читать не давала.

Вот такой сюрприз.

«...так много комаров, что без специальной мази нельзя выйти на улицу. Нужно мазать все участки кожи, не скрытые одеждой. На рыбалке, когда насаживаешь червя, кончики пальцев остаются без мази, и комары кусают прямо в подушечки. Чешется ужасно. Сынок, напиши мне, как ты учишься, что проходишь в школе. Твоя мама говорит, что ты не хочешь мне писать. Конечно, я виноват перед тобой, но я тебя люблю и очень жалею, что не могу быть рядом...»

– Я же не знал, – забеспокоился Акимов. – Не знал же...

Пятнадцать лет назад они сидели на скамейке. Отец курил, наполнял белыми клубами мыльные пузыри, а Димка трогал их пальцем. Пузыри лопались, и сизый дымок, почувствовав свободу, улетал к небу, растворялся в солнечном воздухе. Отец говорил, что скоро уедет на север. Димка не очень-то волновался по этому поводу, потому что дни были долгими, а все, что не происходит прямо сейчас, не произойдет никогда. Лишь увидав отца с чемоданом у двери, он почувствовал жестокий ледяной ужас. Мать пыталась его держать, но он вырывался, хватал отца за ноги, захлебывался ревом и повторял: «Папочка не уходи! Папочка, не уходи!»

Отец объявился через шесть лет, когда Димке было уже двенадцать. Привез огромный самосвал с красной кабиной и синим кузовом. Испек пирог с рыбой. Мать усмехалась, мол, вишь, каков стал: раньше-то макароны сварить не мог, а клюнул в копчик жареный петух, так и пироги печь научился. Потом Димка сел за уроки.

Родители на кухне пили водку, говорили все громче, и в конце концов разругались.

– Это мой сын! – кричал отец. – Я имею право...!

– Право?! – ядовито шипела мать. – Я тебе покажу право!

– Ребенку нужен отец!

– Где ты был шесть лет, отец!

– Ты сама... бу-бу-бу ду-ду-ду... алименты...! – яростно бубнил отец.

– Ду-ду-ду-ду жить с твоими бабами?! Бу-бу-бу! – вторила мать.

– Отсужу! Исполнится четырнадцать – отсужу! – выкрикнул отец и загремел стулом.

Мать распахнула дверь в Димкину комнату. Лицо перекошено, в пятнах:

– Отец уходит, – объявила она срывающимся голосом. – Иди прощаться.

Отец бросил с порога:

– Жди меня, сынок! – и хлопнул дверью.

Мать с того дня стала дерганой, все время пыталась Димку, с кем он хочет жить, попрекала будущим предательством, дескать, бросишь мать, уедешь к отцу на севера. Димка злился на ее дурацкие страхи, ломаным баском заверял, что никуда от нее не денется, и не нужны ему никакие севера.

Следующий конверт был тугим, плотным. Из него Акимов вынул черно-белый снимок: отец стоял на берегу реки. На тыльной стороне выведено «Это я гуляю по берегу Казыма».

«Здравствуй, сынок! Во первых строках своего письма хочу поздравить тебя с новым годом. Расти большой, не будь лапшой, слушайся маму. Недавно я повстречал Деда Мороза. Он подарит тебе...»

– Ото ж хуль конечно, прямо задарил всего... – недобро усмехнулся Акимов.

Он собрал письма, прихватил спички и вышел вон. Старая бумага вспыхивала весело, испускала особый запах горелых фотографий.

– Здесь водится таймень, – шептал Акимов и щерил рот в злобной усмешке. – Ишь ты, блядь... таймень.

Солнечное сплетение

Солнце яркое, майское пробивало паутину яблоневых ветвей и листьев, рваными бликами бегало по свежей траве, посмеивалось над человеческой неуклюжестью. Розоватые цветы белого налива готовились сбросить лепестки и обратиться завязью запретных плодов.

Сашка подтянул ранец за ляжку, подложил его под голову, прикрыл глаза и стал думать о том, какая это несусветная глупость – запрещать есть райские яблоки в райском саду. Но думать не получалось. Под веками красные чертики на черном поле прыгали, как оголтелые, стремглав бросались в рябые зеленовато-синие разводы и в них растворялись, перерождались, обращались колючими кляксами и не давали себя рассмотреть. Сашка пытался поймать чертиков в фокус, но те разлетались в стороны, расплывались, словно крупица марганцовки в стакане воды.

Дыхание восстановилось, боль потихоньку отпустила. В затылке разве немного пульсировало, но это скоро пройдет. Сашка вытянул ноги и скрестил руки на груди. Ни дать, ни взять покойник, только свечки не хватает. Он тихонько пропел:

– Там-там-тадам, там-тадам-тадам-тадам...

Испугавшись собственной дерзости, расцепил руки, скрестил ноги и переливисто засвистел песенку английских бомберов из художественного фильма «Большая прогулка». Теплый ветер погладил Сашку по лицу, и стало совсем хорошо.

– Ты эта што же самое? На земле-то, а? – раздался слоноподобный голос Харитонихи.

Сашка открыл глаза. Увидел стриженный ряд кустов жасмина, а за ним необъятную старуху с кривыми губами, бугристым носом и черными глазами, сверкавшими из-под бровей. Пепельные сальные пряди свисали из-под серого козьего платка, а из левой щеки росла страшная волосатая родинка. Но главной достопримечательностью Харитонихи был торчащий наружу зуб. Он выпирал снизу, как освежеванное березовое полено. Желтый, могучий, необъяснимый, он поджимал верхнюю губу, обнажая разреженный ряд коричневых пней в щербатом рту старухи.

– Все матери доложу, – гнусаво протрубила Харитониха.

– А чо я сделал? – автоматически нахамил Сашка, встал с земли и на всякий случай отошел маленько в сторону: ходили слухи, что у Харитонихи не все дома.

– Чего на земле? Возьми кардонку, постели, самое...

Старуха погрозила корявым пальцем и заковыляла в сторону районного гастронома, бормоча под нос неразборчивое. Коричневые полы старого пальто смешно переваливались из стороны в сторону.

Сашка сорвал с ветки цветок, оборвал лепестки, выдернул тычинки, положил чашечку на язык. Несладко. Май заканчивается, нет в цветах нектара. Сашка выплюнул пресную зелень, сделал гимнастический наклон вперед и назад, убедился, что не больно и пошел домой.

На кухне скворчала сковорода. Мать вышла в прихожую, вытирая руки о полы фартука.

– Привет, – она чмокнула сына в макушку.

– Привет, ма, – Сашка приподнялся на цыпочки и поцеловать мать в щеку.

– Повернись–ка.

– Чего это...

– Ну-ка!

Сашка покрутился вокруг своей оси.

– Снова-здорово? – печально спросила мать. – Санька... Когда это кончится?

– Ма, ну чего ты...

– Александр! – мать повысила голос, но тут же спохватилась и убежала к плите.

Сашка насупился и ретировался в свою комнату. Ему было досадно из-за матери, что пытается влезть в мужские дела, но и стыдно было, что форма опять грязная, и ее надо чистить, а кому же чистить, если не ей? Значит от Сашки одни только хлопоты, а матери он не помогает. И зачем только связался с этим Гурцевым...?

Через полчаса Сашка ел котлеты с картошкой. Мать сидела рядом, перед ней стоял нетронутый стакан чаю.

– Санек, я знаю, ты сильный и гордый. И упрямый. Ты уже все доказал. Но их двое, они старше...

– Он дерется честно, – осадил Сашка, – один на один.

– И все равно, он старше!

– На год всего.

– Тогда почему ты не можешь его побить?

В прошлый вторник Сашка посоветовал Гурцеву похудеть для быстроты бега, и вот уже вторую неделю каждый день одно и то же: после школы Гурцев со старшим братом караулят остряка под яблонями, и после короткой схватки Сашка корчится на траве.

Сашка уныло ковырял вилкой поджаристую корочку. Как ей объяснить, что Гурцев не то чтобы сильный, а просто какой-то ненастоящий. Не толстый, но плотный, словно под кожей у него сантиметровый слой поролона, поглощающий всю Сашкину ярость. Кулаки от него отскакивают, не причиняя беспокойства. Лупишь гада, как грушу в спортзале, и никакого толка. А Гурцев даже и не дерется. Он выжидает момент и наносит один удар точно в солнечное сплетение. От этого удара Сашка сдувается, как дырявый мяч, в глазах темнеет, а все тело заворачивается в боль, будто гусеница в кокон.

Старшему Гурцеву четырнадцать лет. Он никогда не вмешивается и не произносит ни слова. Просто смотрит, как его брат расправляется с противником, потом покровительственно обнимает за плечи, и они уходят.

Сашка мог бы не ходить через сад: прошмыгнул за трансформаторной будкой, потом через пустырь, мимо прачечной, и никаких неприятностей, делов-то... Но ведь этого они и добиваются. Хотят, чтобы Сашка сдался, а этого никогда не будет! Лучше умереть там под яблонями.

– Гляди-ка, Санек! – вдруг воскликнула мать.

Сашка бросил вилку и поглядел в окно.

Узкая улочка, разделявшая ровные ряды трехэтажных хрущевок, была залита прохладным теплом поздней весны, а по искалеченному асфальту бежал мужчина лет сорока весьма

плотной комплекции. На нем была синяя майка-алкоголичка, туго обтягивающая выдающееся чрево, на коротких кривых ногах темные треники с беременными коленками и черные хлопчатые носки. Обуви не было, но не это поражало зрителей, провожавших его удивленными взглядами. Он бежал так, словно от скорости зависела его жизнь, будто его преследовала страшная, непоправимая беда. Его лицо было искажено неподдельным, всепоглощающим горем. Оно было серым, глаза утопали в темных болезненных кругах. Он громко всхлипывал и утирал мокрый лоб волосатым предплечьем.

– Куда это он? – риторически спросил Сашка, глядя вслед бегуну.

– А что там... – задумалась мать. – Лес, гаражи, родники...

– Ты его не знаешь?

– Нет. Кажется, видела пару раз на остановке у сберкассы.

– Во спортсмен!

– Что-то там случилось, – подытожила мать.

И в подтверждение ее слов где-то коротко взвыла серена, в сторону леса пробежала ватага дворовых мальчишек.

Сашка выскочил на балкон и с высоты второго этажа что было сил закричал:

– Пацаны! Пацаны, вы куда?!

На него не обратили внимания, только замыкавший стаю белобрысый Вовчик на мгновение притормозил, обернулся что-то прокричал в ответ, махнул рукой, мол, давай с нами и устремился вслед за приятелями.

– Мама, мам! Я с ними, мам!

Сашка пулей вылетел в коридор и стал натягивать кеды.

– Ну-ка стой! Куда! Нельзя! – всполошилась мать. – Неизвестно что там...

Ее заглушил рев пожарной машины. Санек с матерью метнулись на балкон. Красно-белый ЗИЛ–131, несокрушимый и всесильный, прошел по улице вослед бегуну.

– Мама, мам, там пожар, – убедительно зачастил Санек, смутно чувствуя, что своими речами только усугубляет положение. – Может быть, там помощь нужна!

Он выкрикнул эти слова и сразу понял, что все кончено. Глаза матери сузились, она приняла стойку «руки в боки» и стальным голосом объявила:

– Ты никуда не пойдешь.

– Мам... – жалобно вякнул Сашка.

– Не обсуждается, – отрезала мать.

– Мам... – шепнул Сашка, продавливая слова сквозь обруч, охвативший горло. – Пожалуйста...

Лицо матери сразу стало жалким и беспомощным. Руки ее опустились, плечи ссутулились, она присела на корточки перед Сашкой и тихо сказала:

– Сынок, ты же у меня герой, непременно полезешь в самое пекло. А герои остаются в живых только в кино, понимаешь?

– Мам, я обещаю, мам! – Санек задохнулся от нечаянной надежды. – Мам, я не полезу! Пойдем вместе, а?

Мать на мгновение задумалась, потом решительно встала.

– Идем. Но учти!

– Ни шагу в сторону, мам! Обещаю!

Они вышли из дому, и рука об руку зашагали в сторону ближнего леса. К ним присоединилась знакомая тетка из соседнего дома, потом еще одна. Впереди тоже шествовала группа любопытствующих, и позади, и по соседнему тротуару. Окрестный люд стягивался к месту события, и уже твердо было известно, что никакого пожара нет, а было обрушение. Что и где обрушилось, пока не ясно, но виновата местная шпана, и вроде даже кто-то погиб. Тетки охали, качали головами и бросали на Сашку осуждающие взгляды.

Минут через десять вышли к лесу.

Асфальтированная дорога поворачивала направо, к Сашкиной школе, старая разбитая бетонка уходила налево, там в три ряда выстроились металлические гаражи, а широкая утоптанная тропа вела прямо в лес. Зеваки частью кучковались на вытоптанной опушке, а кое-кто уходил дальше по тропе под сень деревьев.

Дело в том, что неподалеку в лесу протекала речка Ташлянка. То есть как речка, скорее, большой ручей с ледяной водой и песчано-глинистым дном. Еще до войны в русле Ташлянки обнаружили залежи синей глины. Начали разработку месторождения, отстроили несколько барачков для рабочих. Планы были большие, поговаривали о возведении алюминиевого завода. Однако запасы ценного сырья оказались не велики, и уже через год работу свернули, а предприятие ликвидировали. Со временем город дорос до старых барачков. Жильцов расселили, бараки снесли, построили школу, детский сад, магазин и новые трехэтажные дома со всеми удобствами, открыли парикмахерскую и кинотеатр. Потревоженные техникой берега вновь поросли лесом, а крутые песчаные обрывы затянуло травой и густым кустарником. Явных опасностей Ташлянка, вроде бы, не таила, поэтому проводить там время детворе не запрещалось. Но ребята к речке особо-то не стремились: купаться мелко и холодно, а рыбы нет. К тому же, в округе есть места поинтереснее, взять хотя бы Мохнатый остров. А если уж нарушать запреты, то самое милое дело – это Лягушье озеро в Таманском лесу, там и купание, и рыбалка. Вот и получалось, что речка место не шибко привлекательное, и чего там могло случиться – непонятно.

Сашкина мать направилась к соседкам, судачившим неподалеку, но сын дернул ее за руку, и она остановилась.

– Мам, пожара нет, – сказал Сашка веско.

– И что?

– Ма, давай ты с ними постоишь, поговоришь, а я сбегая дальше, разужнаю что там, а? Видишь, все спокойно, все уже закончилось, а?

– Не полезешь? – мать посмотрела Сашке в глаза.

– Не полезу.

– Обещаешь?

– Слово даю.

– Ладно, беги, – улыбнулась мать. – Но смотри мне!

Сашка рванул так, что рубашка на спине вздулась пузырем. Навстречу шли люди – знакомые и не очень. Какой-то дядька попытался ухватить Сашку за рукав, да где ему!

– Стой! Нельзя! – крикнул дядька вслед.

Чего это нельзя? Еще как можно!

Деревья поредели, расступились, Сашка стремглав вылетел к берегу Ташлянки. Здесь, на обширной поляне, поросшей пыреем и боярышником, стояли две желто-синие милицейские машины и РАФик неотложки. Пожарный ЗИЛ съехал по лесной просеке вниз, к самой воде. Его раздвижная лестница уперлась концом в свежий, влажный песок противоположного склона.

Около одной из милицейских машин в окружении детворы стоял молодой лейтенант. Он улыбался, трепал ребят по макушкам, что-то спрашивал и сам отвечал на вопросы. У другой машины тоже собралась толпа, там опрашивали свидетеля. В роли очевидца выступал Артемка Самохвалов – шестилетний, черноволосый и важный. В волосах у него был песок, песок был в складках одежды, в носу и ушах. Он надувался, как рыба-мяч, и каждому вновь прибывшему объявлял заученную фразу:

– Это был оползень. Я спасся чудом и слышал душераздирающий крик «помогите».

Слово «душераздирающий» Артемке очень нравилось, хотя давалось с трудом.

– Здорово, Санек. – раздалось над ухом.

Сашка обернулся, увидел Вовчика.

– О! Здоров, – они пожали руки, – что случилось?

– Обвал. Ну, то есть оползень. Пацаны на противоположном склоне песок рыли...

– Зачем?

– Ну... Как бы пещеры выкапывали.

– А... Там? – Саня поглядел в сторону пожарного ЗИЛа.

– Ну да. Копали, копали... Вроде все было нормально, а сегодня поехало дерево...

– Как это?

– Кто-то из пацанов копал под деревом, чтоб в пещере были корни, как в кино. Дерево упало, потащило за собой песок, получился оползень.

– Ни фиги себе...

– Вот тебе и ни фиги. Теперь пожарные копают, говорят, кого-то засыпало насмерть.

– Со двора был кто?

– Не, не было. Все с Ботаники. О! – воскликнул Вовчик внезапно, – Здравсьте, тетя Наташ!

– Здравствуй, Вова, – ответила Сашкина мать, незаметно подошедшая к беседующим приятелям.

Она кивнула головой и пояснила:

– Надоело там ждать.

– Пацанов с Ботаники песком засыпало, – бодро отрапортовал Вовчик. – Кого-то даже насмерть.

– Да, мне уже рассказали... Сколько их было?

– Не знаю. То ли пять, то ли семь... Кто испугался, домой убежал, кто-то побежал звать на помощь...

Тут в тихий омут ворвался небольшой смерч в виде Артемкиной матери. Невысокая, бледная с изможденным лицом и дулей на бесцветной голове, она сходу отшлепала сына по пыльному заду и утащила ревущего героя домой.

– Ладно, старик, я пошел. Дел на завтра куча, – объявил Сашка. – Пошли, ма?

– Идем, сынок. До свидания, Володя.

– До свидания, тетя Наташ.

Домой вернулись около шести.

Поужинав, Сашка было принялся за уроки, но позвонила староста Ленка Алефирова и сообщила, что уроков завтра не будет, а будут похороны, поэтому завтра все приходят к десяти и приносят цветы. Четное количество.

От этих известий мать потемнела и попыталась взять слово, что ноги Сашкиной не будет на речке, но сын решительно пресек пустопорожний разговор, объяснив, что на Ташлянку не ходит даже и без всяких глупых клятв. А если она хочет, чтобы он дал зарок заведомо невыполнимый, то можно поговорить про Мохнатый остров или Лягушье озеро.

Мать выслушала сына поджав губы, но возражать не стала. Выдала два рубля, и Сашка, пробежав три остановки до торгового пятачка, купил четыре гвоздики по сорок копеек и большой стакан семечек за двадцать.

Утро выдалось солнечным, но прохладным и ветреным, а к линейке Сашка опоздал. Он примчался, когда учеников уже построили на школьном дворе буквой П, и сколь ни пытался Сашка узнать имя жертвы, ответа не добился. Лица присутствующих были строги, на попытки заговорить отвечали шиканьем. Приставать с расспросами Сашка не решался, но старательно прислушивался к скорому шепотку учителей, стоявших чуть поодаль, и обсуждавших страшные подробности. Говорили про оползень и дерево, и что на вскрытии обнаружили песок в желудке и легких, и как страшно гибнуть в песчаной могиле... Ребята же молчали, прикрывали цветы от ветра, чтоб не сломались стебли, заправляли пионерские галстуки за ворота пиджаков и фартуков.

В одиннадцать к школе зарулил чахлый ПАЗик с черной полосой по борту и табличкой «Ритуальные услуги» под ветровым стеклом. Задние двери распахнулись, из них выскочили дядьки с табуретами, побежали в центр двора; табуреты установили буквой Т и снова убежали. Открылась передняя дверь, на улицу стали выходить люди в черном.

Разговоры разом смолкли, наступила тишина, какой не бывает на городской улице рядом со школой. Только ветер шумел верхушками старых тополей, хлопал надорванным краем транспаранта «Добро пожаловать в мир Знаний» и разносил обрывки фраз людей из автобуса.

– Стульев еще надо...

– Портрет кому?

– Витя! Витя, придержи...

– Захвати там... Да-да, за чехлом!

Гроб, однако, вынесли тихо и без лишней суеты установили на табуреты. Кто-то приволок из школы стулья, на которые усадили мужчину и женщину. В мужчине Сашка узнал вчерашнего нелепого бегуна. В изголовье гроба стал Ромка Фомин из седьмого «Б». В его руках был нецветной портрет с лентой через уголок. Неудачно встал этот Фомин, никак не разглядеть лица на снимке!

Наконец все как-то образовалось, и на первый план вышел директор. Длинный, в толстых очках, он долго не мог справиться с кнопкой на микрофоне. К нему проскользнул трудовик, щелкнул пальцами, и сразу над собранием прогремело:

– Кхм...

Директор прокашлялся, развернул бумажку и начал:

– Товарищи! Сегодня мы со скорбью в сердцах прощаемся с нашим учеником и товарищем Денисом Гурцевым...

Гурцевым.

Гурцевым!

Гурцевым! – зазвонили колокола под куполом.

Сашка огляделся, его окружали серьезные лица одноклассников.

– Кого? – тупо спросил он у Сереги Дмитриева.

Тот скосил глаза и шепнул:

– Гурцев... – и потом прошевелил губами, – глухая тетеря...

– Гурцев? – ошеломленно повторил Сашка.

Толстая Светка Разводова одним движением руки вырвала его из строя, оттащила за спины ребят и зашипела:

– Чо ты орешь? Чего тебе не ясно? Денис Гурцев из седьмого «Б», понял? Он с друзьями уже неделю копал песок на обрыве.

– Зачем? – удивился Сашка.

– Они хотели сделать подземные ходы и играть в партизанов, как в катакомбах! Чтобы лазать из одного коридора в другой. Теперь речку обнесут забором, чтоб никто больше не лазал, чтоб никого не убило...

– Гурцева не могло убить, я с ним дрался вчера. – убедительно сказал Сашка.

– Кто? Ты? Почему не могло? Почему дрался? – заинтересовалась Разводова.

Но Сашка не мог объяснить, почему не могло убить именно Гурцева, он лишь растерянно смотрел на подрагивающие щеки Разводовой. На короткий миг вспыхнула в груди и тут же угасла жгучая обида на врага, так ловко избежавшего справедливого возмездия, а вместо обиды, в том самом солнечном сплетении, исподволь зародилась предательская легкость, и гадкая подлая радость вытеснила тревогу и страх. Сашку бросило в жар, он мучительно покраснел, выпалил вибрирующим щекам Разводовой: «Дура!» и быстро отошел за ближайший тополь.

Кулак, которым он сжимал цветы, вспотел, и стебли неприятно скользили в руке. Он аккуратно положил гвоздики на толстые корни, выпирающие из-под земли, вытер ладони о курточку и пошел домой.

Он шел медленно, размышляя о старом подсохшем дереве, не удержавшем собственный вес; и о том, что вообще-то затея с катакомбами хороша, но требует серьезного, вдумчивого подхода. Если уж копаешь шахту, будь любезен сделать крепеж, усилить потолок, стены – тогда и не обрушится ничего, и оползня не будет. К речке он, конечно, не ходок, потому что обещал матери, но когда-нибудь...

Проходя через сад, он неожиданно столкнулся с братом Гурцева, и волна бывшего страха пробежала по спине, а в груди заныло и стало тесно. Но враг не замечал Сашку. Он сидел под деревом, тер кулаком глаза, громко шмыгал носом, судорожно всхлипывал. В руке он крутил яблоневый цветок и отрывал от него лепестки. Сашка остановился, выжидаяще посмотрел на противника. Гурцев старший тускло поглядел на Сашку, лицо его перекошилось, и он горько, отчаянно зарыдал.

Орденосец

Жека с Лешкой висели на крепком дощатом заборе и глазели на проходящую колонну.

Комбайны шли парадным строем, врубив всю наличную иллюминацию. Ревели моторы. Августовская полночь разлеталась в клочья под натиском технического прогресса и человеческого гения. Из труб рвалась черная копоть и брызги неотработанной соляры. Красные флажки на крышах хлопали встречному ветру. Первым шел единственный «Дон» (председатель два года выбивал), следом – четыре новые «Нивы» со скошенными кабинами, потом тоже «Нивы», но старые. За комбайнами двигались колхозные ЗИЛы.

Ровно.

Грозно.

Битва за урожай.

Жека, плотный деревенский паренек, сохранял спокойствие, а его двоюродный брат Лешка, городской мальчик на каникулах, был потрясен и раздавлен. Ничего более величественного в свои десять лет он не видел, разве только Парад на Красной площади, но это по телевизору, не считается.

Жека дернул брата за короткий рукав:

– Батя! – закричал он, – Вон! Батя! – и ткнул пальцем в колонну.

– Где? Где?

– Да вон, вон машина его, дурак!

– Какая?

– Вон та!

– Ага!

В кабине третьего ЗИЛа угадывалась светлая рубашка водителя. Мальчишки изо всех сил махали руками.

– Батя! – надсаживался Жека баском.

– Дядь Вов! Дядь Вова! – тонко кричал Лешка.

Жекин отец махнул приветственно рукой и дал короткий гудок.

– Видал?!

– Ага!

– То-то!

– Ага!

– Не то, что в городе!

– Ага.

Колонна прошла.

Жека сидел на крыльце, степенно жевал помидор с грядки, Лешка суетился рядом, не мог успокоиться. Рев колонны затихал в темноте, уступал стрекотанию сверчков.

– Как они, Жека, а?! Как они: ррррээээннчччщщщ! – Лешка топил педаль в пол, и клыкастый ЗИЛ устремлялся в поле, сминая степные травы и разгоняя облака пыли.

Над крыльцом горела лампочка, вокруг нее толкались мошки и ночные бабочки.

– Пошли в комнату, – Жека отер руки о широкие шорты, – вставать рано.

– Пошли.

– Ноги помой.

– Ага.

Легли.

Жека на правах хозяина спал на полу. Лешка лежал на его кровати и тихо завидовал.

– Жек, слышь, Жек, а почему ночью работают?

– Днем тоже работают.

– А когда спят?

– Зимой.

– Я понимаю, а зачем ночью работать?

– Скоро дожди пойдут, не покосишь. Надо успеть до дождей.

– А почему комбайны, когда косят, медленно едут, если надо быстрее?

– Спи.

– Жек, а дядь Вова может меня в поле взять?

– Нет.

– Почему?

– Последний день уборки сегодня.

– А... Жалко.

Лешка проснулся часов в семь. Высокое солнце уже припекало. В сенях Галина Ильична, Жекина мама, высокая, красивая женщина, процеживала утреннее молоко.

– Проснулся? Сепарировать молоко будешь?

– Буду... Теть Галь...

– На вот, садись. Подвинь табуретку. Вот так.

– Теть Галь, сегодня уборку заканчивают, да?

– Да.

– Праздник будет?

– Будет.

– А нам можно?

– А кто будет по хозяйству управляться? Кролям травы надергайте и воды налейте. Курям тоже воды. И Борьку не забывайте. Все, я в школу, – она улыбнулась племяннику и быстро вышла за калитку.

Теть Галя преподавала историю в сельской восьмилетке. Лешка не понимал, зачем учитель ходит в школу летом. Он строил догадки и сосредоточенно крутил ручку сепаратора. Надо держать ритм, иначе молоко польется куда-то не туда и ручка встрянет намертво. Тогда сепаратор придется разбирать и прочищать. Сам Лешка разбирать не умеет, теть Галя ушла, а Жека будет глумиться, поэтому крутить надо сильно и равномерно, вот так.

Молоко показалось на стоке. Сначала несколько капель, потом потекло тонкой струйкой, и, наконец, голубоватая обезжиренная струя полилась в эмалированное ведро, взбиваясь

в пушистую пену. На противоположном стоке появилась тонкая полоска сливок. Лешка подставил под них кастрюлю, долил молока в приемную емкость и снова налег на ручку.

К десяти жара стала нестерпимой, на термометре было под пятьдесят. Жека и Лешка валялись в большой комнате на паласе. Каждый час, накрывшись с головой толстой рубахой дядь Вовы, они по очереди бегали во двор, доливали воды в поилки кроликам, курам и хряку Борьке.

В доме было прохладно. Все окна еще с весны были заклеены фольгой, и, несмотря на полумрак, включать электричество днем категорически запрещалось. Жека объяснил запрет просто: отпустил Лешке шелбан и, ткнув пальцем в потолок, назидательно сообщил: «Это что? Это – лампа накаливания. От нее воздух тоже греется». Дом был совсем новый, трехкомнатный, с магистральным газом, летней кухней и большим участком. Но Лешке больше нравилось в старой хате жекиной бабушки. Дом старый, дореволюционной постройки и весь обвит виноградом. Стены толстые, не пускают ни холод, ни жару. Вокруг дома растут три вишни, четыре яблони и черный тутовник. Никакой фольги на окнах не надо.

– Жека... Жек...

– Чего.

– А сколько дядь Вова зарабатывает?

– Вообще? Или за уборку?

– А он что, по-разному?

– Конечно.

Лешкина мама работала на заводе и всегда зарабатывала одинаково. Иногда отец, калымивший на северах, получал сверх обычного, и тогда приходили большие алименты.

– Ну, за уборку сколько получит?

– С тыщу должен.

– Да ладно! Таких зарплат не бывает, – убежденно сказал Лешка.

Вообще–то сосед Семка хвастал, что отец привез из загранки двухкассетный «Шарп» за полторы тысячи, но Лешка не очень–то верил: откуда у нормального человека полторы тысячи? Столько может быть только у бандита после ограбления. А Семкин отец не бандит, работает в Агропроме (это дом такой серый на пересечении Мира и Коминтерна), ходит с портфелем и носит Семке красивые ручки с английскими буквами.

– Это в городе у вас не бывает. А кабы батю на комбайн допустили, так и все две тыщи заработал бы.

Получить две тыщи за месяц было настолько нереально, что Лешка сразу поверил.

– Ого... Это можно мотоцикл купить.

– Мотоцикл, – передразнил Жека, – обычно у него семьдесят в месяц, понял? Так что дели эти тыщи на весь год.

– А... Тогда мало получается. Мама и то больше зарабатывает.

– Ну и езжай в свой город, раз не нравится.

– Ну и поеду.

– Ну и езжай.

Теть Галя вернулась в четыре часа. Через ее руку было перекинута длинное расшитое узорами красное платье. Она кивнула ребятам и сразу удалилась в свою комнату. Жека спросил через дверь:

– Петь будешь?

– Буду, сынок.

– А батя там?

– Там. В первой бригаде. Все уж там. Готовятся. За мной в пять автобус заедет. Вернемся часов в девять с отцом. Вы тут не голодаете?

– Не. Борща поели, салат...

– Вот и молодцы, – она появилась в дверях, – в деревне, Лешка, трудно умереть с голоду! – и подмигнула племяннику. Лешка смотрел на нее и улыбался во весь рот: тетя Галя была очень красивая в концертном платье; из густых русых волос она соорудила затейливую прическу и стала похожа на артистку из телевизора.

– Проводите?

– Ага.

К вечеру жара спала. Солнце было еще высоко, но уже не изнуряло, не гвоздило в макушку. Дом фронтальной стороной выходил прямо на дорогу, а за ней только пыльная ставропольская степь с чертополохом да полынью.

Колхозный автобус привез тетю Галю в начале девятого. Лешка с Жекой сидели на лавочке, лузгали недозрелые семечки из мягкого подсолнуха. Автобус остановился напротив дома, тетя Галя сошла на горячий асфальт и стала осторожно спускаться по каменной насыпи. Туфли держала в руке. Жека бросил подсолнух и рванул к ней, только голые пятки замелькали. Лешкины ноги, городские и мягкие, к таким испытаниям были не готовы. Он аккуратно выбирал куда ступить, больно шипел, если попадался острый камешек.

Жека взял у матери сумку, она обняла его одной рукой за плечи, и так они пошли к дому.

– Лешка! – крикнула тетя Галя издали, – не ковыляй, лучше принеси воды из колодца!

Лешка принес ковшик с водой. Тетя Галя выпила половину. От нее вкусно по-городскому пахло косметикой, и этот запах смешивался с раскаленными степными ароматами.

– Фух! Спасибо, Лешик. Жека, а отцу-то знаешь что?

– Что? – насторожился Жека.

– Орден дали...

– Какой орден?

– Обыкновенный. Красного Знамени.

– Настоящий?

– Настоящий.

Жека с Лешкой переглянулись и дружно заорали:

– Ура!!!

– А за что, тетя Галь?

– Мам, за что?

– А когда он приедет?

– А он его привезет?

Тетя Галя смотрела на ребят вроде с радостью, но как-то тревожно.

– Привезет, конечно. А когда приедет не знаю. Праздник-то закончился, да он с мужиками там остался, орден обмывать...

– У-у-у, – протянул Жека, – это надолго.

– Не должно, там же начальства разного понаехало. С района, со Ставрополя даж.

– Ему за уборку что ль?

– Ну что ты, сын. За уборку такое не дают. Это за Афганистан.

– Так это ж давно, – удивился Жека.

– Ну вот и нашла награда героя. Как бы он за руль не сел после праздника...

– Ой-ой, – встревожился Жека.

Отца уже лишали прав на два года. Права-то давно отдали, но на комбайн до сих пор не допускают.

Солнце клонилось к закату, красиво подсвечивало легкие перистые облака. Где-то на краю горизонта угадывались облака посерьезней, кучевые. Тетя Галя переделалась в домашнее, и теперь уже все семейство лузгало семечки, ожидая отца.

В половине десятого на дороге показался ЗИЛ. Все трое встали и вытянули шеи. Лешка полез на забор. Машина приближалась. Несмотря на светлое еще время, водитель включил дальний свет, противотуманки, габариты – короче, все что светится.

– Ой-ой, – произнес Жека.

– Чего? – спросил Лешка.

– Орденосец... – зло сказала тетя Галя и зашевелила губами.

– Пошли на зады? – спросил ее Жека.

– Пошли. Лешка, слезай.

Проехать к заднему двору на ЗИЛе – дело непростое. Заборы стоят вплотную друг к другу, так что и на жигулях не очень покатаешься.

«Как же он там поедет?» – удивлялся Лешка про себя.

Тем временем грузовик ловко лавировал меж изгородей и металлических сеток, натянутых на деревянные столбы.

Из соседнего дома вышла тетя Люба, молодая светлая баба, и звонко крикнула с крыльца:

– Галь! Героя-то встречаешь?

Теть Галя на ходу махнула ей рукой: некогда, мол.

Втроем навалились на задние ворота, ЗИЛ взрыкнул, вошел в створ и остановился посреди двора. Тетя Галя вдавила кнопку, потянула ручку водительской двери. Дверь открылась, и ей на руки скользнуло бесчувственное тело мужа. Тело было длинным, худым и жилистым. Дядя Вова был мертвецки пьян. Он спал и улыбался во сне широкой детской улыбкой. В правой руке сжимал коробочку красного атласа и книжку-удостоверение.

Тетя Галя подхватила мужа и кивнула Лешке:

– Возьми у него. Жека, помогай.

Вдвоем с сыном они попытались поставить отца на ноги. Дядя Вова приоткрыл правый глаз, мутно глянул на жену и улыбнулся еще шире и радостней. Ноги его не держали. Тетя Галя с Жекой потащили его в дом.

Лешка захлопнул дверь машины, пошел было следом, но остановился. Коробочка была приятной на ощупь. Он хотел ее открыть, но не открывал. Просто смотрел.

Он подумал, что обязательно поедет к отцу на север, и вдвоем они будут ловить загадочную рыбу хариус, про нее отец писал в письмах. А во дворе Лешка расскажет, что его дядя – орденосец. И если лысый хмырь Кирия опять не поверит, то огребет по полной.

Лешка погладил атлас и вздохнул. Свежий ветер поднял желто-серую глинистую пыль, закружился маленьким смерчем по остывающей степи. Издалека с запада долетел глухой рокот, и порыв ветра хлопнул незапертой дверью сарая.

Ночью пошел дождь.

Ножик

Подарок был что надо.

Такой ножик вдруг не купишь, это надо постараться. Ручка пластиковая с рельефом в виде попугая, лезвие длинное, острое, стоит прочно, не болтается.

Славка значительно поплевал на большой палец и мягко коснулся подушечкой заточенной кромки.

– Нравится?

– Вещь! – искренне выдохнул Славка. – Спасибо, дядь Валер.

– Береги, старина. Не хвастай напрасно, не то старшие отберут, знаю ваши порядки...

Короче, используй для дела, а попусту не свети.

– Не буду, дядь Валер. Обещаю.

Мать в мужской не вмешивалась разговор. С одной стороны, хорошо, что контакт у них есть, а с другой – ножик. Придумал чего пацану дарить.

– Ма, я погуляю?

– Норму прочитал, гулёна? Лето заканчивается, а ты еще не начинал.

– Ма, ну пока светло, а? Вечером обещаю двадцать страниц.

– Осилишь?

– Осилю. У меня по плану подвиг капитана Тушина.

– Ладно, но смотри, чтоб в девять был дома, как штык.

– Буду! Спасибо, дядь Валер! – и Славка вылетел в коридор.

Мать укоризненно посмотрела на Валерия Георгиевича.

– Может не стоило, ножик-то?

Кончался август.

Днем еще стоял глухой, вязкий зной, но его нет–нет, да сносило внезапным порывом прохладного восточного ветра. На закате становилось свежо, а ночью так и зябко. Девчонки надевали розовые кофточки, старушки кутались в лохматые карачаевские платки, пенсионеры–доминошники поверх растянутых маек–алкоголичек цепляли траченные пиджаки с орденскими планками. Вода в Лягушьем озере остыла, стала кусачей, неприветливой. Бабка говорит, мол, святой Илия в воду пописал, значит купаться уже нельзя. Но Славка и без бабкиных страшилок опасался лезть в озеро: скрутит ногу судорога и готов покойничек, поминай как звали. Дело известное, дураков нет.

В общем, лету конец.

Славка бодро шагал по тротуару, старался не наступать на трещины (тьфу, примета плохая), в кармане сжимал драгоценный подарок. Справа трехэтажные хрущевки, слева развесистая сирень, под ногами серый асфальт, пробитый зелеными побегам, над головой листва каштана, а сквозь листву – синее невыносимо прекрасное небо. Хорошо!

Славка остановился и вынул ножик. Нет, ну до чего же законная вещь! Интересно, а если... Славка открыл лезвие и положил его на ладонь. Лезвие покрыло четыре пальца и еще осталось сантиметра три, а то и три с половиной. На три сантиметра в сердце войдет! – выдохнул Славка. И замер, пораженный догадкой: мать замуж собралась!

Как пить дать, замуж! А то с какой такой радости дядя Валера его ножами задаривает? Получается, в доме появился еще один жилец. Эх ты...

Вообще–то, дядя Валера неплохой: зря не пристаёт, мозги не компостирует, на прошлой неделе помог выстругать остов корабля... Только непонятно как с ним жить: отца давно нет, Славка привык вдвоем с матерью. Что же теперь, чужой дядя станет воспитывать, дневник проверять и за оценки отчитывать? Во попал...

– Здоров, малек, – раздалось над ухом.

Славка быстро сложил нож и обернулся. Сверху, как придорожный фонарь, нависал долговязый Корнеев, известный всему району хулиган и второгодник. Толстые губы растянуты в улыбке, не сулящей ничего хорошего, огромные уши оттопырены, как локаторы, сканирующие пространство на предмет приключений, глаза на выкате, как у Крупской и буйные черные кучеряшки на голове. Какой–то жуткий клоун, а не человек.

Имени клоуна Славка не знал, а настоящая его фамилия Ярославцев. Он, вроде, страстно болеет за ЦСКА, и взял себе кличку по фамилии знаменитого форварда.

Рядом с клоуном терся Славкин одноклассник Игорь Дмитриев по прозвищу Митрюша, тоже малоприятный тип. Он при Корнееве, как Табаки при Шерхане. Скалится с радостным презрением.

– Здоров, Славян.

– Здоров, – ответил Славка, как можно небрежнее.

– Что в кармане? – осведомился Корнеев.

– Ничего, – напрягся Славка.

– Малек, чему тебя учит семья и школа? – строго спросил клоун. – Семья и школа учат, что врать нехорошо. Особенно, старшим. Не бзди, посмотрю и верну. Наверное.

Улыбка превратилась в угрожающую гримасу, и Корнеев протянул раскрытую ладонь:

– Ну?

Славка вытащил нож. Корнеев, ловко перехватил руку и так сдавил запястье, что Славка ойкнул и разжал кулак. Нож оказался в руке захватчика. Корнеев подцепил лезвие ногтем и внимательно осмотрел добычу.

– Законная вещь! – резюмировал он и положил лезвие поперек ладони, – Гляди, Митрюша, в сердце войдет на два сантиметра с лишком, а! Где взял, малек?

Славка мочал. Нож было жалко до слез, ведь даже повладеть толком не успел, но еще горше представлялся вечерний разговор с дядь Валерой:

– Ну что, Славка, как дела?

– Порядок, дядь Валер!

– Нож не отобрали? Ну-ка, принеси его...

Ох-ох... За что человеку такое невезение?

– Так я жду ответа на поставленный мной вопрос! – строго сказал Корнеев с интонациями актера Куравлева.

– Отец подарил, – жалобно ответил Славка.

– Отец... – протянул Корнеев.

Еще минуту он вертел нож в руках, потом сложил и великодушно изрек:

– Подарок отца – это святое, а на святое я не покушаюсь. Держи, малек. Береги.

И тут подал голос Митрюша. Он профессионально сплюнул через дырку в передних зубах и с невыносимым ехидством произнес:

– У него нет отца, он с матерью живет.

Рука дающего обратилась громадным кулаком. Корнеев принял стойку «руки в боки».

– Что же ты, лишенец... – горько произнес он и долго качал головой, искренне осуждая запредельное Славкино святотатство, – Понимаешь ли ты, что нельзя такими словами бросаться? Как же ты мог про отца соврать?

– Я не вру, – сипло ответил Славка, – мать с дядь Валерой женятся. Выходит, он мне теперь за папу.

– Бреешь! – твякнул шакаленок.

– Не брешу! – горячо возразил Славка. – У них свадьба скоро, а то стал бы он мне такой нож дарить?

– Да, малек, огорчил ты меня до невозможности, – продолжал сокрушаться Корнеев. – Если каждого материного хахаля будешь за батю держать, трудно тебе в жизни придется.

– Верни нож, – с отчаянием прошептал Славка, – пожалуйста...

– Передай отцу, чтоб сам ко мне пришел, – строго сказал Корнеев и заржал.

Митрюша верноподданнически хихикнул, Корнеев отпустил Славке саечку, и дуэт скрылся за углом.

До вечера Славка слонялся по окрестностям, пребывая в самом паршивом расположении духа. Он так переживал, что утрата ножа уже не казалась фатальной потерей. В конце концов, что нож? Он даже рассмотреть его толком не успел. Жил раньше без ножа, авось и теперь проживет. Дело прошлое, чего горевать-то? Тем более, что самое скверное было впереди: бесконечное осуждение взрослых, упреки во взглядах и мамкины стенания, что это ужас, а не ребенок, и ничего-то ему нельзя дарить, и вещи-то он не бережет и не ценит чужое внимание.

В квартиру Славка юркнул мышкой и сразу заперся в ванной. Как никогда тщательно умылся, почистил зубы, помыл ноги. Вышел румяным, свежим – мать только всплеснула руками:

- Ты чего это сегодня?
- Нормально, мам. Просто хотел тебе сделать приятное.
- Получилось, – улыбнулась мать. – Давай за чтение.
- Ладно... Мам, а дядь Валера где?
- Его по службе вызвали, приедет поздно. Ты чего-то хотел?
- Не, я так. Просто.
- Спокойной ночи, сынок, – мать чмокнула Славку во влажный лоб.

Кажется, внимание матери удалось отвлечь. Утром надо будет запудрить мозги дядь Валере, чтоб про нож не вспомнил. Славка повеселел, одолел капитана Тушина и со спокойной совестью уснул.

Ранним утром его разбудило скворчание сквороды и приглушенный разговор, доносившийся из кухни. Дверь балкона была распахнута, Славкина комната наполнилась утренним ветром, солнцем и запахом оладьев.

Славка босиком пришлепал на кухню.

На спинке венского стула висел серый китель с погонами подполковника. На стуле сидел дядя Валера в форменной синей рубашке и серых штанах с красной полоской. Он обмакивал оладьи в плоску с медом, отправлял их в рот целиком и запивал чаем. Мать стояла у плиты.

– О, явление Христа народу, – весело провозгласил Валерий Георгиевич. – Присоединяйтесь, господин барон! Позавтракаем вместе. Надюша, пополни нам запасы провизии.

- Придется подождать, едоки, – улыбнулась мать, – у меня ведь не конвейер.
- Тогда пойдем-ка в отдельное помещение, Славка. Есть мужской разговор.

Дядя Валера был так естественно бодр и весел, что Славка ни на секунду не заподозрил подвох. Лишь когда они прошли в Славкину комнату, дядя Валера плотно прикрыл дверь и стал серьезен, он вспомнил о ноже и забеспокоился.

– Присаживайся, – велел дядя Валера. – И рассказывай.

Славка обреченно плюхнулся на незастеленную кровать, пружины скорбно скрипнули, обозначив начало черной полосы в жизни. На макушку словно капнула гадкая холодная капля, и противной рябью побежала вниз по спине, животу, рукам и ногам, сметая все хорошее, что было обещано славным летним утром. Славка поник, съежился и буркнул:

- Чего рассказывать?
- Про вчерашний день расскажи.
- Чего рассказывать? – повторил Славка почти шепотом, стараясь сдержать набегающие слезы.

– Славка...

– Чего...

– Голову что ли подними. Чего раскис, как пломбир на остановке?

Славка посмотрел в лицо Валерию Георгиевичу и увидел, что тот совсем не сердится. В его глазах было сочувствие, но вовсе не осуждение или злость.

– Давай-ка я немного тебе помогу, – предложил дядя Валера, и Славка с готовностью кивнул.

– Расскажи, например, про Ярославцева Сергея Леонидовича по кличке Корнеев.

– Ну так... – промямлил Славка, – Ничего не знаю. Даже имени не знал. Он вчера ваш ножик у меня забрал.

– Твой ножик, Славка. – сказал Валерий Георгиевич и эффектным жестом чародея явил пропажу пред Славкины очи. – Держи и больше не теряй.

– Дядь Валер... – ошеломленно пробормотал Славка. – Откуда он у вас?

– От верблюда, – печально вздохнул Валерий Георгиевич.

– Я ведь никому не говорил, дядь Валер! Я...

– Знаю, Славка. Знаю, – дядя Валера присел рядом. – Понимаешь, какое дело, попал Сережка Ярославцев в дурную компанию, ну и вот...

– Что?

– Убили его вчера.

– Как?! – вскинулся Славка.

– Как... Жестоко – вот как. Что-то он со своими старшими товарищами не поделил. Мы ночью всех взяли по горячим следам. Гузеев Олег Иванович по кличке Мутный, Бахтинов Роман Романович по кличке Бахча, Потапенко Григорий Алексеевич по кличке Потап и Фурцев Михаил Самуилович по кличке Фурапет. Слыхал, небось?

– Так... – пожал плечами Славка.

– Местная интеллигенция. – усмехнулся дядя Валерий Георгиевич.

– Они его этим ножиком?! – Славка задохнулся от нечаянной догадки.

– Ну, что ты! – возразил Валерий Георгиевич. – Конечно, нет. Там... По-другому все было...

Он встал с кровати, присел перед Славкой на корточки и заглянул мальчишке в глаза.

– Старина, я тебя об одном одолжении попрошу, ладно? – Славка кивнул. – Ничего от меня не скрывай. Понимаешь, есть у меня странная особенность чувствовать ложь и всегда узнавать правду. Всегда! Иногда и знать ее не хочу, эту правду, а все равно открываю рано или поздно. И знай, Славка: я тебя в обиду не дам. Но ты всегда должен быть честен, даже если трижды виноват. Обещаешь?

У Славки нестерпимо щипало в глазах, казалось, что сдерживать слезы нет никакой возможности.

– Вы с мамой поженитесь? – неожиданно спросил он.

– Ох, старина... – затосковал дядя Валера, – Я-то со всей душой, да она девушка с норвом, даже не знаю, как подступиться.

– Так вы еще...?

– Нет, Славка, мы еще ничего не решили. Кстати, не расстраивай ее лишний раз, пусть история с ножом останется между нами, договорились?

– Договорились.

Валерий Георгиевич положил руку на его плечо и как-то просительно, совсем не похоже на самого себя, сказал:

– Я тебе хорошим отцом буду. Обещаю.

Комок в горле, который Славка с переменным успехом гонял вверх-вниз, прорвал оборону. Славка икнул и так отчаянно заревел, что слезы из его глаз не потекли, а брызнули во все стороны соленым фонтаном.

Валерий Георгиевич подхватил мальчишку под худые мышки, встал в полный рост. Славка зажмурился и, как обезьяний детеныш, тут же обхватил его ногами. Валерий Георгиевич стоял посреди комнаты, одной рукой прижимал Славку, другой поглаживал его по спине и белобрысой макушке и с виноватой улыбкой шептал:

– Ну-ну... Ты же сам сказал, что я вместо отца буду, чего ревешь?

Скрипнул старый паркет. Валерий Георгиевич обернулся, увидел Славкину мать. Она укоризненно покачала головой и тихо вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Заутреня

В особенную майскую ночь, когда звезды, не успев рассветиться, тут же смеркли в голубоватом зареве, старая ветла, что триста лет пила воду из родника под струганным крестом, вдруг задрожала, по-старушечьи затрясла корявыми сухими кульями, зашелестела липкой молочной листвой, и с оглушительным выстрелом раскололась надвое в том месте, где из единого

основания тянулась вверх и в стороны пара могучих стволов. Неведомая подземная сила перекрутила, искорежила исполинские их тела, и с ястребиной высоты обрушила в заросли молодой крапивы. Правый ствол начисто разметал дубовый крест, хранимый грошовой иконкой, врезанной в изголовье; левый же с ленивым ворчанием сокрушил легкий мосток через мутную речку Нережду. И хутор, лежавший в низине меж речных берегов, враз оголился, стал беззащитен пред молодым серпом–месяцем, занесенным над крышами плешивых строений. И за пять верст от городской черты, от самой березовой рощи стали видны огоньки в окнах крайних домов.

Володя сел на кровати, прихлопнул будильник. Минуту бессмысленно смотрел в окно, соображая, для чего ему понадобился столь ранний подъем. На терраске было прохладно, зато дышалось свежо и вольготно. Сквозняк, гулявший по подгнившим доскам, бодрил ступни. Володя зябко поежился, наощупь сунул ноги в старые сандалии, лишённые ремней. Тихо открыл дверь и, приволакивая ногу, вышел.

В саду торжественно блестели листья сирени. Осатаневшие от страсти соловьи зазывали подруг на черемуховые перины. Где-то перебрехивались псы, и молодой петушок, шальной от весенней благодати, фальцетом выразил восторг наступавшему торжеству.

Праздник! – осенило Володю. Ах, садовая голова: ждал ведь, готовился, а за короткий сон все начисто забыл. Он окончательно проснулся, торопливо сделал несколько шагов от крыльца, помочился под развесистый куст и вернулся в дом.

Из–под двери в сени тянулась желтая полоска тусклого света и доносился грохот посуды. Это хозяйничала мать: готовила еду для праздничного стола. Когда Володя вошел, она ставила в устье печи очередной горшок.

– Ма...

– Проснулся? – отозвалась мать, не оборачиваясь. – Разбуди сестру. Как бы к заутрене не опоздать.

– Хорошо. Ты не ложились что ли?

– Где уж, – мать отставила ухват и вытерла ладони о подол фартука. – Дел по самую маковку.

Она подошла к Володе и погладила его по голове:

– Экий ты у меня здоровяк. Твой день сегодня праздновать будем. Ну иди, иди... Мне еще родителей кормить.

– Чего они?

– Мать ничего, ест. Отец вот... Ну, ступай.

В горнице на столе горела свеча, но бледная тень рассвета уже вползла в дом через оголенные окна, и желтый язычок пламени освещал только салфетку, которой был накрыт завтрак.

Володя включил свет, задул свечу, прошлепал по грубому коврику к сестриной кровати и наугад потормошил смятое одеяло.

– Подъем, тетеря! – скомандовал он. – Праздник проспичь.

Настасья заскулила спросонок, разом села, шурясь поглядела на брата.

– Давай, давай. Не то запишу саботаж, – подбодрил ее Володя.

– Напууууааагал, – протяжно зевнула сестра. – За собой бы приглядел.

– Пригляжу, не бойсь... – он ловко ущипнул сестру за сосок и тут же отскочил.

– Ай! – взвизгнула Настя. – Дурак! Мама!

Завтракали скоро, но хорошо, дружно.

Настя, некрасивая девочка четырнадцати лет, обрядилась в лучшее платье, искусно заплела ленты и мудрено обмотала шею длинной ниткой коралловых бус. Мать была строга, но мила и не ворчлива. Длинные черные волосы она скрутила в большой узел, и он перламут-

рово переливался в электрическом свете. Володя надел тертый костюм, одолженный у соседки. Штаны мать маленько ушила, пиджак же был велик, сидел кривовато, но выбирать не приходилось.

Подражая отцу, Володя сидел набывчившись, ссутулив узкие плечи, и время от времени одаривал женщин суровым взглядом из-под светлых юношеских бровей. Он истово пережевывал теплый хлеб, запивая его водой. Гордость матери была ему приятна, но в то же время вызывала свербящее чувство досады.

В конце концов мать не выдержала:

– Совсем взрослый, – умильно сказала она. – Невесту присмотрел что ли?

– Больно надо, – фыркнул Володя и кивнул в сторону Насти. – Вон, на ней женюсь.

Настя показала брату неприличный жест. Мать развеселилась:

– И то! Сладкая выйдет парочка!

Настя катала по столу хлебный мякиш, пребывая в светлой задумчивости.

– Мам, а моих детей тоже распределят? – спросила она.

– Что от мужа, тех обязательно распределят. А первенец останется при церкви.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем Распределение?

– Трудно объяснить, доченька... Поймешь ли.

– Пойму.

– Охо-хо... Как тебе объяснить-то. Родительская любовь человека душит, не дает ему расти. Скверная это любовь, дурная. Она всему в жизни во вред. Пеленают родители свое дитя в ту любовь. Вырастает оно нежным, к жизни негодным... Понимаешь?

Настя кивнула.

– Придет беда на порог, а родители детей прячут, на войну не отдадут. Родителям пора на пенсию, а дети бунтуют. Оно может и хорошо было раньше, да очень уж бестолково. На войне не любовь нужна, а злость. Врага нежностями не одолеешь. Вот Володька наш, а? Гляди-ка. На прошлой неделе смутьяна уложил – любо дорого! По ноге, правда, получил... Болит, сынок?

– Ничего, – хмуро отозвался Володя.

Мать одобрительно покивала, Насте же до брата дела не было.

– Сразу заберут?

– Кого?

– Детей.

– А... Да, сразу. Ты их и не увидишь. Родила и гуляй на материнский капитал. Только молоко сдавать не забывай. С этим строго. Детки здоровенькие должны быть, развитые. Как двадцать исполнится, пойдешь на родительские курсы, выучишься, сдашь экзамены. Тогда дадут пятилетку из Детского мира. Воспитывай на здоровье.

– А если не хочу?

– Кто ж заставит, когда не хочешь. Не чувствуешь в себе призвания к родительству, не бери. Детки все у нас ухожены, накормлены, а где воспитаны, то не важно. Главное, чтобы любили родину, почитали старших, чтоб любили Покровителя, он отец нам и мать. Любишь ли Покровителя? – голос матери возвысился.

– Люблю, – искренне ответила Настя.

– Вот и умница.

– А ты сколько родила?

– Трех, – мать поглядела в окно и нахмурилась. – Где ж отец? Не опоздать бы. Включи-ка телевизор.

По двум каналам шла трансляция всенощной из Верховного Государственного Храма. По третьему выступал Младший Опекун, упитанный мужчина среднего возраста:

– ...вовремя уйти на заслуженный отдых. Именно поэтому Общественный Опекунский Совет выступил с инициативой снижения пенсионного возраста до шестидесяти лет, – внушал он внимательному корреспонденту. – Наше начинание нашло горячую поддержку во всех слоях общества, и недаром Государственный Совет Покровителей на первом же Всесоюзном Вече принял соответствующий закон. Сейчас это трудно понять и даже представить, но до Великой Пенсионной Реформы пожилого человека ожидали нищета, забвение, одиночество. Великая Пенсионная Реформа положила конец...

В правом нижнем углу горели циферки 03:22. Мать сокрушенно всплеснула руками, и сразу за окном раздался жалобный стон тормозов. Хлопнула дверь, в горницу вошел отец. Огромный, чернобородый, он сразу заполнил собой всю комнату. Шумно стало вокруг, беспокойно.

– Га! – весело крикнул он с порога. – Заждались, черти?

Дети встали, почтительно опустили головы. Мать вся подалась навстречу мужу, припала к груди, заглянула в глаза. Лицо его было черным, усталым. Пот и дорожная пыль размазаны по лбу и щекам. Правый рукав камуфляжа надорван по шву у плеча, на коленях засохли потеки, кожа на костяшках кулаков сбита. Черные берцы, однако, вычищены.

– Наконец-то, – выдохнула мать, провела рукой по щеке. – Устал...

– Ох, не то слово! – бодро ответил отец. – Завтракаете? Отлично!

Он вырвался из объятий жены, шагнул к столу, разломил хлеб и кивнул детям. Володя и Настя молча сели.

– Молока может?

– Не время. После службы разговеемся.

– Как вы там?

– Ничего. Сдюжили.

– Много их было?

– С полсотни. Но сволочь отборная. Лидер ихний, гнида казематная. Соплей перешибешь, а все туда же: мы за народ, мол. Я ему коленом в ухо двинул от имени народа. Ты, говорю, у народа спросил, чтоб от моего имени... Мы, говорит, против снижения пенсионного возраста. Да кто у тебя, падла, спрашивал-то! Сказано шестьдесят, значит шестьдесят.

– Мы уж готовы, – как бы невзначай обронила мать.

– Да! Пора.

В церкви был аншлаг. Мать с Настей протиснулись внутрь, а Володя с отцом остались снаружи. Между старых могил прошли знакомой тропкой к почерневшей скамейке. Отец закурил, заметил пятна засохшей крови на штанах, попробовал их ногтем, выругался и пылливо поглядел на Володю.

– Записал?

– Я запомню.

– Смотри, проверю. Все на память надеешься, а Департамент Народных Коммуникаций прямо рекомендует: записывать. Брань на святом месте прощать нельзя никому. Порядок в государстве держится только на уважении к святыням, понял?

– Говорю же: запомню, – упрямо повторил Володя.

– Кабы не... – отец окинул пейзаж досадливым взглядом, – двинул бы по загривку...

– Бать...

– Ну?

– Я жениться хочу.

– Но! – усмехнулся отец. – Женись, коли невесту сыскал.

– На Настасье.

– На сестре, что ль?

– Но...

– Дурак ты, Вовка. Как есть дурак.

– Чо дурак-то...

– То! Оглядишься вокруг: парней в округе нет. Каждый второй не больной, так покалеченный. Ты хлопец справный, руки-ноги на месте, голова на плечах, причиндалы работают. А у главы района три дочери – вот куда надо клинья подбивать. Там связи, деньги.

– На черта оно мне...

Отец тяжелой ладонью приложил сына по затылку.

– Не бранись в святом месте!

– Ты запиши, – съязвил Володя.

– Не умничай, сопляк! Взял моду! Хрен тебе, а не жениться. Что в приданое получишь, подумал? Что я тебе за Настасьей дам? Что у меня есть? Драндулет раздолбанный, да хата в одну комнату... – отец внезапно осекся и пристально посмотрел на Володю. – Ты с Настасьей не это?

– Чего?

– Чего, чего... Это самое. Не было у вас?

– Совсем сдурел?! – вспыхнул Володя.

– Ладно, ладно... А то знаешь.

– Знаю.

– Ладно. После договорим. Пошли. Негоже службу пропускать.

Они прошли в храм, где стало чуть свободнее – народ, не выдерживая духоты, тянулся к выходу. Только в первых рядах, в зоне дуновения кондиционера, отделенные красной бархатной лентой, сидели Глава Управы с женой и Сотник департамента Народного Правопорядка.

Служба шла праздничная, полиелейная. Протодиакон Леонтий, подтянутый сорокалетний мужик в парадном одеянии, при орденах на парчовом ораре, служил звучным басом, не заглядывая в псалтырь. Певчие вдохновенно выводили божественные ноты под взмахи регента. По всему выходило, что служить еще часа два, однако после чтения жития Святого царя Иоанна Четвертого отец Леонтий плавно свернул действие и приступил к проповеди.

Володя обрадовался. Он любил недлинные, но бойкие речи протодиакона. Настоятель говорил простыми, понятными словами без старозаветной зауми.

– Любезные братия мои и сестры! – обратился он к пастве голосом звучным, чуть хрипловатым от усталости. – Наступает чудесный день. Сегодня во всех церквях, во всех государственных храмах божиих девушки и юноши, достигшие совершенных лет, получают свои первые Обвинительные заключения. На первый взгляд название сему документу дано странное, а кое-кто решит, что и неуместное. Но стоит лишь немного подумать, сделать усилие, и замысел Духовного Покровителя раскрывается во всем блеске, во всей своей рациональности. Обвинительное заключение. Обвинение. Мудрец сказал: зри в корень, а корень обвинения – вина. Вина! – провозгласил отец Леонтий. – В чем же вина вчерашних детей? Не возводим ли мы напраслину на невинных чад, что не жили еще, и стало быть, не могли особо нагрешить? Думается мне, что нет, не возводим. Человек грешен. Грешен еще до своего появления на свет, ибо зачат во грехе и рожден в грязи. Искушает ли человек первородный грех своею дальнейшей жизнью? И снова должен я ответить: нет! Не искушает. По самой сущности своей человек грешен, и на протяжении жизни грехи его множатся, наслаиваются, покрывают его, словно короста. О чем мечтает он, каковы его чаяния? Брюхо набить, чужую жену совратить или мужа, что плохо лежит к рукам прибрать. Власти алкает, богатства и праздности. И даже творя дела добрые, с виду вроде бы богоугодные, грешит напропалую, ибо не для ближнего старается, но тешит гордыню свою. Вскопает огород соседской бабке, и думает, что он лучше других, возносится в самомнении. И хорошо, если осознает, что лишь потакает своему эгоизму. Но ведь и так бывает, что скрывает истинную личину даже и от себя, искренне верит, что добры дела его,

и сам он человек добрый. Такой праведник (в кавычках) страшен своею искренностью, ибо не иссякнет источник, питающий его гордыню, и, напивавшись, раздувается его эго, как мыльный пузырь, увлекает ближних и дальних радужными переливами и ввергает в пучину греха, ибо зло почитает он за благо и не способен отличить одно от другого. Казалось бы, что такого. Чем бы дитя ни тешилось, какое нам до этого дело? Ан дело есть, и дело это государственное! Вращивая свой эгоизм, лелея гордыню свою, человек забывает о главной христианской добродетели: смирении. Вот где настоящий грех, страшный грех! Вот где корень зла. Без смирения нет покоя душе, а с беспокойной душой... – отец Леонтий скорбно покачал головой. – Без смирения, нет благодати, нет благополучия ни в голове, ни в доме, ни в государстве. Только через смирение приходим мы к господу нашему и вступаем под сень защитной длани святой государственной церкви. Только через смирение становимся мы добродетельными гражданами нашей великой державы. Сегодня мы предъявляем нашим потомкам первые обвинения, дабы всегда они помнили о своей вине перед Родиной и Духовным Покровителем. Чтобы не поддавались на лукавые слова, но крепко знали и помнили: грешны! С рождения грешны и до самой смерти. Помните, чада, что вина ваша не требует доказательств, ибо она с вами с первого момента жизни. Вы о ней знаете, мы знаем, и департамент Народного Правопорядка тоже знает. Древние говорили, помни о смерти. Я же скажу вам: помни о своей вине. Служи усердно отчизне и народу. Служи тройне, ибо вину не искупить. Смирение и послушание! На том стоит порядок, на том зиждется безопасность святой земли нашей!

В пиджаке было жарко, Володя взмок от макушки до исподнего, но не смел пошевелиться, чтобы не нарушить благоговейную тишину, установившуюся в храме. Глава Управы встал со стула и захопал в ладоши. Прихожане оживились, подхватили. Володя тоже захопал и крикнул «Ура!».

Отец Леонтий поднял руку, призывая к порядку.

– Теперь всех именинников прошу выйти вперед. И подходите по списку.

По указанию розовощекого подьячего Володя в числе десятка сверстников занял место подле амвона. Служка вынес серебряное блюдо, на котором возвышалась стопка небольших красных книжек, и отец Леонтий стал вручать их владельцам.

В свою очередь Володя приблизился к протоиерее. Тот внимательно посмотрел на фото, вклеенное на первой странице, удостоверился, что ошибки нет, ободряюще улыбнулся и вымолвил:

– Поздравляю, сынок. Вина твоя мала, но мы ее запомним. Живи честно, служи отчизне и так далее.

Володя приоткрыл рот, отец Леонтий положил ему на язык кусочек пресного хлеба и подал в ложке разбавленного красного вина.

Церемония завершилась. Народ, причастившись, потянулся из церкви наружу. К Володе подходили товарищи, поздравляли его и отца. Мужчины обнимались, каждый второй напоминал, что по такому поводу надо бы проставиться. Отец зазывал гостей на обед, но все шутливо хмурились, и оправдавшись неотложными делами, спешили домой.

Мать с Настей вышли в числе последних, причем обе казались слегка расстроенными.

– Чего смурные? – полюбопытствовал отец.

Мать негодуя махнула рукой:

– Пятерых девок оставил... Светку Аристову тоже, а нам отвод. Говорит, в следующем году. Мол, не вошла еще в тело.

– Если говорит, значит так надо, – твердо сказал отец. – Ты не очень-то. Тебе битый час про смирение, и хоть бы хны.

– Да я что, – стусевалась мать. – Я ничего. Но время-то идет. Отстрелялась бы и свободна. Что в той Аристовой? Ни рожки, ни...

– Ну хватит! – повысил голос отец. – Сказано через год, значит через год. Садитесь в машину. Мне еще стариков в Пенсионный Фонд везти.

Быстро выбраться не удалось: народные дружинники перекрыли дороги для кортежа Главы, а тот задерживался. Настя с матерью с устатку задремали на заднем сиденье. Отец тер красные глаза, матерился и непрерывно курил. Наконец мало по малу стали выпускать. На кордонах трижды проверяли документы, просили открыть багажник. На шоссе выбрались только к полудню. Отец придавил педаль.

Володя рассматривал свой первый взрослый документ. Книжица была приятной на ощупь. На велюровой обложке тиснение: «Паспорт гражданина» и чуть ниже «Предварительное Обвинение». На первом развороте фото, отпечатки пальцев, метрические данные, выдан такого-то числа Епархией Крапивинского района Владимирского военного округа. Дальше на трех страницах мелким шрифтом параграфы Уставов и Уложений, которые Володя нарушил за шестнадцать лет жизни. Отпечатано по заказу Департамента Народных Коммуникаций. Материал странный: вроде бумага, а вроде и нет. Перелистывается, как бумага, а пробуешь надорвать – не рвется. Володя положил книжицу в нагрудный карман, ближе к сердцу.

С асфальтированной дороги машина свернула на разбитую бетонку, стало ощутимо потряхивать. У березовой роши Володя повертел головой, как бы что-то ища.

– Чего? – спросил отец.

– Не знаю... Чего-то не хватает, а чего не пойму.

– Ветла обрушилась, – пояснил отец. – Раньше всю долину закрывала, а теперь вишь чего... Насквозь простреливаемое пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.